63.3(6А8)
Г94

Д. ГУЛИА

О МОЕЙ КНИГЕ „ИСТОРИЯ АБХАЗИИ“

СУХУМИ
ГОСИЗДАТ АБХАЗСКОЙ АССР
1951

63.3(6А)
Г94

Д. ГУЛИА

О МОЕЙ КНИГЕ „ИСТОРИЯ АБХАЗИИ“

4304

СУХУМИ
ГОСИЗДАТ АБХАЗСКОЙ АССР
1951

Для глубокой разработки богатейшей истории Грузии в целом очень важное значение имеет, как известно, составление истории отдельных ее частей. Пожалуй, это прежде всего относится к Абхазии, которая всегда была неотъемлемой частью Грузии, жила с нею на протяжении всей истории одной жизнью, органически участвовала в созидании грузинской культуры и государственности и играла существенную роль в борьбе за свободу и независимость страны, в борьбе за объединение отдельных грузинских племен и областей в единое мощное национальное грузинское государство.

Однако, к сожалению, по сей день не имеется у нас книги, сколько-нибудь полно и удовлетворительно освещающей историю Абхазии. В то же время многое из того, что написано по этому предмету, стоит ниже всякой критики. К числу последних относится и одна моя работа.

Лет около тридцати тому назад, памятуя, что «до сего времени Абхазия не имеет хотя бы краткой, но цельной связной истории», пишущий эти строки впервые предпринял ответственную попытку создания соответствующего сочинения об историческом прошлом нашего края. В результате увидела свет моя книга «История Абхазии», т. 1, изданная в г. Тбилиси в 1925 году.

«Мы решили, — писал автор, — собрать все имеющиеся в нашем распоряжении более или менее ценные по истории Абхазии сведения, хотя бы в сжатом виде, дать им критическое истолкование, опираясь, главным образом, на данные абхазского языка, местами заполнить необходимыми разъяснениями, а местами и новыми сведениями, какие мы могли найти при бедности нужной литературы в Сухуме» (стр. 9). И далее: «Этот труд, надеюсь, будет первым камнем, брошенным в спокойную гладь научного равнодушия и возбудит

приток сил к разработке задач по истории культур и наций Кавказа» (стр. 14).

Таковы были стимулы, которые воодушевили меня на непосильный труд, который был не по плечу одному такому рядовому работнику, как автор первой «Истории Абхазии». Этот труд остается и по сей день невыполненным, ибо большое дело создания подлинно марксистской истории Абхазии является чрезвычайно важной актуальной задачей будущего, для разрешения которой с тех пор созданы все благоприятные условия.

В силу целого ряда причин в давно прошедшее время из моих рук вышла путаная в своих посылках и выводах, не марксистская, антинаучная работа, изобилующая ошибками фактического и методологического характера.

Как видно из введения, я как будто понимал, что «далеко не всегда можно доверяться сведениям, заимствуемым не из первых, а из десятых рук и при этом без основательной критической проверки, а также сочинениям некоторых... писателей, которые руководятся известной предвзятой идеей». И все-таки я доверял им, а это было по меньшей мере наивностью с моей стороны. В самом деле, многими своими невежественными писаниями все эти купцы, путешественники или тайные агенты иностранных государств, подвизавшиеся в разные времена в нашем крае, по своим понятным теперь нам особым соображениям и целям, нагромоздили такую кучу неправдоподобных сведений, просто нелепых и баснословных сообщений об языках, истории, топонимике, нравах, обычаях, этногенезу местных племен и «настолько перепутали, исказили, затемнили» все это, что, как говорилось в этом же введении, «вместо пользы, причинили один вред, создали путаницу» (стр. 8).

Полное отсутствие материалов по археологии Абхазии, которым характеризовался тогда один из важнейших пробелов в историческом материале, равно как отсутствие и кадров специально подготовленных ученых, обусловили то, что «не только зарытые в земле древности, но и доступные изучению памятники на поверхности» оставались даже неучтенными, не описанными и пребывали в состоянии вопиющего молчания.

По всему этому история абхазов оставалась настолько мало освещенной, настолько искаженной, что автор был вправе сделать такое заключение: «Ученые должны еще десятками лет работать, чтобы подойти, хотя бы немного, к истине».

Но есть другая сторона дела, для которой невозможно подыскать никакого оправдания, кроме разве молчаливо принятого мною решения предать забвению незрелое свое творение из-за очевидной шаткости основания и пороков, увенчивающих его. Речь идет о том, что за целых почти три десятка лет, прошедших со времени написания работы, автор ни разу не постарался критически пересмотреть и выступить с опровержением тех серьезных ошибок и фальсификации, которые содержатся в моей книге «История Абхазии», хотя давно уже эти ошибки мне ясны и осознаны.

Но, говорят, лучше поздно, чем никогда. И сегодня я хотел бы, наконец, поговорить, в порядке хотя бы частичного осуществления давнишнего намерения, о пороках своего произведения и путях преодоления все еще имеющихся по истории Абхазии серьезных недостатков.

Главная проблема, вокруг которой строится вся моя «История...», есть проблема этногенеза абхазов, а основной авторский ее тезис, многократно и в различной форме упорно повторяющийся во многих местах книги, состоит в голом и, разумеется, неправильном утверждении африканского происхождения наших далеких предков.

Если не в качестве своего оправдания, то хотя бы в порядке исторической справки я должен сказать, что и в этом отношении, как во многих других абхазоведных вопросах, мы, в частности и я, не избегли, к сожалению, неимоверно вредного влияния антимарксистской концепции Н. Я. Марра, абсурдность общелингвистической теории которого стала для нас ясной только после недавнего выхода в свет гениальных трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания.

В своей книге я развернул неправильную эфиопскую гипотетику происхождения абхазов, подчеркивая на каждом шагу, что «абхазы и их предки гениохи (иниохи) суть колхи, вышедшие из Египта и, главным образом, из Абиссинии» (стр. 9). При этом я опирался на всякие легенды, сказания и

на непроверенные данные абхазского языка, и то зачастую лишь по выдержкам из чужих работ, которые, как я полагал, якобы «совпадают со сказаниями Геродота о выходе колхов из Египта, вообще из Африки» (стр. 12). Основываясь на мало знакомых мне и сомнительных выводах «новых трудов немецких ученых» и других крохоборствующих исследователей, я допускал, что завоеватели древнего Египта гиксосы, ввиду частых мятежей среди египтян, «должны были часть египтян и эфиопов выселить в свою страну и на ее окраины — в области, смежные с Закавказьем... Потомками этих невольных переселенцев и могли явиться отчасти те колхи, египетское происхождение которых для Геродота стояло вне сомнения» (стр. 13). Я утверждал родство абхазов также с семитами и хамитами, исходя из «родства языков семитических и яфетических».

Касаясь рассуждений А. Н. Грена, за 30 лет до меня говорившего о префиксах в абхазском языке как о черте, указывающей на связь абхазо-черкесских языков с хамитическими, и дополняя их указанием на аналогичные явления в одном из хеттских языков, я писал: «Если классовые префиксы существовали в древнем языке М. Азии в XIV столетии до х. э., то можно, по нашему мнению, рассматривать не только митанийский, но и хаттийский язык, как мост между Египтом и Абхазией (Колхидой)» (стр. 20). Далее я доходил до утверждения, что абхазский язык по своей фонетике имеет сходство с языками отсталых племен Южной Африки — бушменов и готтентотов (стр. 32) «с жировыми отложениями внизу спины», что устанавливается «лингвистическая связь между абхазами и древними **племенами Африки, посредствующим звеном** между которыми **являлись хетты**» (стр. 34).

Нет нужды останавливаться на всех имеющихся в работе псевдонаучных, часто бессмысленных этимологических ухищрениях и лингвистических аналогиях. Достаточно сказать, что случайного и отдаленного созвучия оказалось достаточным, чтобы находить тождественную связь между названием «Абиссиния» (Абасия) и местным именованием нашего края — «Апсны», этимология которого может быть объяснена лишь исходя из абхазского: «страна души», или, вернее, «водная страна, страна вод» (для страны, расположенной рядом с Сахарой, даже невзыскательный первобытный человек как будто не мог бы этого сказать). Доходил даже до того, что утверждал: «Формы «аб-хаз»... и «Абхазия»... совершенно несостоятельны и должны быть заменены единственно правильным «абас....», «абасец» и «Абасия» (95).

Известно, что ограниченность средств языка при огромности названий мест неизбежно ведет ко многим случайным совпадениям в топонимике, не имеющим никакой генетической между собой связи. К таким случайным совпадениям нужно отнести громадное большинство приводимых мною географических имен, таких, скажем, как озеро Хопи в Абиссинии и сел. Хуап в Абхазии и т. д.

Последуем за автором далее. Вот еще один пример моих бездоказательных рассуждений.

Автор строит свое доказательство следующим образом. Аборигенами восточного берега Черного моря были колхи. Затем племена колхов начинают именоваться гениохами (ибо гениохи суть те же колхи), отнявшими господство у первых, вследствие чего название (а не народ) «колхи» изчезает с горизонта истории. Потом новые властители Колхиды, сбросив с себя данное им чужестранцами из-за их пиратского образа жизни прозвище гениохи-возничие (около н. э.), начинают носить особые, настоящие свои названия «абазги», «абсилы» и др. Наконец, «один народ из этого племени, т. е. колхов», лазы, с помощью будто бы греков, получают здесь первенство, и Колхида начинает называться Лазикой (после н. э.). Далее это господство переходит к абазгам (абхазам), и страна, бывшая Колхида, впоследствии Лазика, начинает называться Абхазией, а позднее, по соединении Абхазии и Грузии в одно царство, — Имеретией (после X в.).

Допустим, что все это истина, но, спрашивается, каким образом так легко и просто совершаются в мире столь существенные дела? Где же факты, которые бы доказывали все это? Где та внутренняя пружина, тот решающий фактор, а также конкретные особенности изучаемого предмета, которые обуславливают общие закономерности и самобытные черты исторического развития каждой страны?

Автор не уясняет себе картину образования и консолидации племен, действительные причины преобладания одних

над другими (чему придается, между прочим, такое преувеличенное значение), не выясняет время, условия и характер образования государственности, причины этнических смен и т. д.

Так, при решении самых кардинальных вопросов мы видим упрощенчество, отсутствие принципа историзма, безвременность, взаимно исключающие суждения и догадки, бездоказательность и схематизм.

Книга не дает истории жизни и быта трудящихся — основных создателей материальных и духовных богатств народа. Читатель не почувствует даже попытки социально-экономического анализа, нет представления о социально-экономических формациях, о периодах первобытно-общинного строя, рабовладения, феодализма и т. д. Нет ни одного слова о классах и классовой борьбе, хотя, казалось бы, давно уже известна одна из основных азбучных истин марксизма о том, что «история всего предшествующего общества есть история борьбы классов».

Т. о., народ и составляющие его классы не только безмолвствуют, но и вовсе отсутствуют, и вся политическая история сводится к описанию, и то на основании фрагментарных сведений и сказочных преданий, жизни и деятельности одних только царственных особ и полководцев.

Книга изобилует в корне ложными рассуждениями. Так, например, здесь сказано: «Нам нельзя видеть в жителях Колхиды картвельское племя... Мы не имеем никакого основания видеть в них (т. е. колхидцах) племя картвельской расы» (85).

В предлежащей книге своей автор писал далее следующее:

«Здесь ограничимся перечислением тех культурных влияний, которые действовали в Абхазии, главным образом, с V в. хр. э. до XVI в.: первый период — воздействие византийской культуры; второй период почти с X в. — совместное творчество культуры в единении с грузинами; третья эпоха с XII в. — генуэзских влияний с сохранением роли абхазо-картвельской культуры, четвертый — период турецкого влияния, сменившегося 100 лет тому назад русской гегемонией» (142-143). — «Абхазы, как побережные

жители, сообщавшиеся со многими заморскими культурными жителями, главным образом, с цивилизованными греками, безусловно, являлись распространителями культуры среди соседних жителей» (143-144).

Говоря об истории г. Сухуми, я пишу о том, что при генуэзцах и венецианцах наш «берег покрылся многочисленными виллами богатых купцов и знатных людей, которые развели здесь великолепные сады...» (105). Грузинский мост на р. Беслети я, не задумываясь, называю венецианским. Сел. Лыхны, говорю, основано греческими колонистами в VII в. до Р. Х. Впоследствии было покорено... Митридатом, а потом вошло во владения римлян (154). Даже первые абхазские цари до Леона I были все того же греческого происхождения (208).

Одновременно с этим я писал: «В настоящей нашей книге имеются некоторые основания говорить об историческом родстве абхазов» с другими грузинскими племенами, что «не исключается предположение хотя бы о дальнем родстве абхазского языка с языками» грузин, мегрелов, лазов и сванов (240).

В массе заблуждений и промахов тонут те проблески истины, которые то и дело встречаются в книге, ибо одна ласточка не делает весны. К ним относится и следующее место из моего произведения, которое явно идет вразрез с отрицательным, третирующим отношением Н. Марра к сравнительному методу: «Кавказские языки, — писал я, — все еще ждут применения к ним в полном размере сравнительного метода, и только сравнительная грамматика всех кавказских языков прольет свет на отношения их взаимного родства и происхождения» (240).

Мои упущения тем более непростительны, что в специальной грузинской литературе уже давно, начиная с акад. И. А. Джавахишвили, подвергнуты уничтожающей критике многие писания немецких и других чужеземных авторов, изучающих картвельские языки, что не сумел воспользоваться достижениями грузинских ученых и их резонными аргументами об опасностях лингвистических и других сопоставлений без твердого знания сравниваемых фактов, прежде всего грузино-кавказских.

Таковы вкратце ошибки книги «История Абхазии», фальсифицирующей, против моей воли, объективные факты исторической жизни Абхазии.

Но что представляет собой та положительная картина, которую можно на основе марксистско-ленинской исторической науки воссоздать относительно происхождения, этнической и культурно-исторической принадлежности абхазов?

Я считаю необходимым остановиться хотя бы вкратце на этой большой проблеме для того, прежде всего, чтобы ясно заявить и показать, что ныне у автора «Истории Абхазии», разумеется, совершенно иные взгляды по существу вопроса, чем тридцать лет назад; чтобы, во-вторых, со своей стороны лишний раз подчеркнуть те, теперь уже общеизвестные, многочисленные научно-проверенные факты, которые неопровержимо говорят, что абхазы жили всегда одной исторической и культурной жизнью с грузинами, что абхазы, собственно, те же грузины; чтобы, наконец, этим оказать посильное содействие дальнейшему правильному решению основных вопросов истории Абхазии, предостеречь от возможных заблуждений, призвать к выправлению имевших место вывихов, к коренному исправлению допущенных в этой области грубых ошибок принципиального и методологического характера.

Новейшие исследования грузинских историков, в первую очередь академика С. Н. Джанашиа, опирающиеся на наиболее проверенные положения, дали возможность выработать новую историческую концепцию, которая гласит: «Древняя Грузия является органической, но самобытной частью более обширного мира; этот мир в узком аспекте представлен Кавказом, а в широком — Древним Востоком, с другими компонентами которых Грузия связана многосторонними и разнообразными генетическими и историческими связями...» (сб. «Академик Симон Джанашиа», 1949, стр. 151).

«С глубочайшей древности грузинский народ жил, трудился и боролся на своей территории от Большого Тавра до Большого Кавказа. Созидая все новые и новые центры своей цивилизации и государственности, грузинский народ показал поразительную жизненную творческую способность, упорную привязанность к родной земле, непоколебимую во-

лю отстоять свое достояние» (С. Джанашиа и Н. Бердзенишвили «О наших законных претензиях к Турции»).

Уже давно в грузинской историографии было высказано мнение о родстве грузинских племен с древнейшими народами Передней Азии, но соответствующие факты объяснялись «переселением» грузинских племен на нынешнюю территорию Грузии. Нужно говорить не об однобоком и одноактном «переселении», а о беспрерывном расселении этих племен, о постепенном перемещении с юга на север культурно-политических центров. Теперь уже доказана генетическая связь грузинских племен с другими коренными кавказскими народами, а также с древнейшими культурными аборигенами Ближнего Востока — хетто-суббарами и халдами. На основе глубокого анализа многочисленных материалов акад. С. Н. Джанашиа смог уверенно констатировать, что «хетто-суббары и были предками грузин» и что «этническая принадлежность халдов бесспорна: они составляли часть грузинской народности» («История Грузии...», ч. I).

Во втором тысячелетии до н. э. хетты и суббары первенствуют в Передней Азии. В излучине реки, известной всему древнему миру под своим грузинским названием Галис, в верхней части бассейна рек Тигра и Евфрата они создают высокие очаги земледельческой и металлургической культуры. Суббарское искусство оказало сильное влияние на искусство других народов, в том числе и греков.

Что говорят вещественные и документальные факты из самой Абхазии? А факты, ведь, — упрямая вещь.

В разных частях Абхазии, в том числе особенно в окрестностях Сухуми — древнейшего из всех известных в СССР мест поселения, обнаружены во множестве первоклассные археологические памятники материальной культуры. Нижнепалеолитические вещественные доказательства существования стоянок первобытных человеческих обществ, отстоящих от нашего времени на несколько десятков тысяч лет назад, отмечены в Яштхва, Бирце, Гали, Очамчире и других местах. Особенно примечательны неолитические материалы из Кистрика (около Гудаута), содержащие прекрасно отшлифованные каменные орудия.

В нескольких пунктах Абхазии встречаются самые древние памятники зодчества — мегалиты и дольмены — коллективные погребальные сооружения, сложенные из пяти огромных камней.

Недра Абхазии хранят много интересных культурных слоев и по эпохе, которую пока еще принято называть «античным периодом» истории Грузии.

Широко известны далее, историко-археологические памятники колхидской культуры (около 1500-500 гг. до н. э.), в частности многочисленные изделия из бронзы, в том числе боевого и хозяйственного назначения знаменитые «колхидские топоры», в изобилии встречающиеся во многих частях Зап. Грузии — Абхазии, Мегрелии, Гурии, Аджарии, Н. Имеретии и Рача-Лечхуми. Указанный тип топора представляет оригинальное произведение питавшейся древнейшими местными традициями культуры колхов, рано развивших у себя металлургическое производство, о чем говорят найденные, напр., в верхнем течении р. Риони древнейшие горные выработки, действовавшие около 3.500 лет назад.

Эти памятники красноречиво свидетельствуют о прочном и сплошном заселении ближайше родственными между собой древнегрузинскими (носившими общее название колхов) племенами всей территории Зап. Грузии. Племена, издревле населявшие земли современной Абхазии, составляли один с ними органический культурно-исторический круг и шли единым путем развития и теснейшего культурного общения. В настоящее время т. н. «кобанскую культуру» можно и нужно считать колхидской, т. е. местной культурой Зап. Грузии не только по месту преимущественного ее распространения, но и по происхождению.

К начальным векам первого тысячелетия до н. э. на территории Грузии определились две большие культурные области — восточная и западная, причем последняя включила в себя Западную Грузию, нагорную часть Северного Кавказа западнее р. Терека, бассейн р. Чорохи и значительную часть южного побережья Черного моря. Это и есть та территория, которая впоследствии называлась Колхидой. Нынешняя Картли была центральным районом, где обменивались продуктами труда племена Западной и Восточной Грузии. Несмотря на наличие этих двух областей, а затем и

существование двух соответствующих политических образований, грузинские племена не теряли культурного единства; территория, раздробленная политически, культурно оставалась единой.

Грузинский народ находит в себе жизненные силы для беспрерывного развития многовековой цивилизации в этих новых государствах и культурных центрах, которые постепенно перемещаются к северу. Государство касперов, т. е. иберов, и Колхида — две из четырех крупнейших держав Передней Азии V в. до н. э. В начале н. э. римлянам удается завоевать Колхиду. Позднее, в IV веке, из Восточной Колхиды образуется Лазское царство (у грузин продолжает называться древним национальным названием (Эгриси). Следовательно, Лазика — наследница Колхиды, а лазы — прямые потомки колхов.

Грузинские племена, прошедшие задолго до нашей эры долгий период родового строя, рано создали у себя, в результате образования первого антагонистического классового общества, рабовладельческое государство, сменившееся отношениями феодализма, который зарождается в III-IV в. н. э., но окончательной победы достигает в IV в. н. э. Из этого вытекает с очевидностью, что грузинская государственность имеет историю гораздо более длительную, чем принято было считать в старой историографии. В Грузии уже задолго до нашей эры существовала развитая государственная система во главе с царем и государственная власть со всеми ее атрибутами. В соответствии с этим и грузинская нация, процесс образования которой окончательно завершился во второй половине 19 в., складывалась в результате длительных и регулярных общений, в результате совместной жизни людей на территории Грузии из поколения в поколение.

Племена, населявшие территорию современной Абхазии, принимали активное участие в творчестве грузинской истории на протяжении всей этой истории, начиная от древней Колхиды и даже еще ранее.

В Сев. Колхиде обитали заны или лазы (по Риони и Ингури), севернее их — апсилы, еще севернее — абазги и саниги. У всех этих племен были свои владетельные князья. К IV в. н. э. эти племена входят в сменившее Колхиду Лазское царство. С VI в. абазги отложились от него и счита-

лись непосредственно вассалами византийского императора, под давлением которого принимают и христианство.

Эти племена Абхазии, как и в других местах Грузии, с упорством отстаивали свою свободу против иноземных поработителей. Так, храбрые абазги во время одного неравного боя предпочли поголовную смерть в огне, охватившем их неприступную крепость Трахею (ныне Гагра), чем стать рабами римлян. В это время и другую часть Абхазии охватили волнения против другого внешнего врага, и возмущенные апсилы перебили весь персидский гарнизон, стоявший в их крепости Цибила (нын. Цебельда).

Древнее племенное название «абазг» к VIII в. на грузинской почве, по закону внутреннего распределения согласных, изменилось в «абхази». Отсюда — название страны «Абхазети», по-русски — Абхазия.

Чрезвычайно обильно представлены в Абхазии классические памятники важнейшего в истории Грузии феодального периода, когда окончательно складывается феодальная грузинская государственность. В этих подземных и надземных первостепенных исторических сооружениях (крепости, храмы, церкви, различные гражданские сооружения) ярко проявляется общность и единство грузинских племен, в том числе и абхазов, основы чего закладываются еще задолго до этого.

В феодальный период число племен у нас сокращается, и Абхазия была представлена тремя независимыми эриставствами, из которых лишь одно называлось «Абхазским эриставством» (от современного А. Афони до р. Бзыби), причем эти племена не стояли дальше от иберо-лазов, чем, скажем, сваны или месхи.

Что же касается сотрудничества в процессе создания грузинского государства, то в этом отношении роль «Абхазии» и абхазов совершенно исключительна. Абхазия вместе с другими грузинскими княжествами составляет, а в одно время и возглавляет грузинскую феодальную монархию («Абхазское царство»), всецело и неразрывно входит в единый и общий грузинский этнический и культурно-исторический круг.

В конце VIII в. абхазский эристав Леон II, воспользовавшись смутами в Византии и ослаблением Лазского царства,

объявил себя независимым правителем, присоединил к своим владениям Эгриси и Аргвети и резиденцией избрал себе г. Кутатиси (ныне Кутаиси). «По имени династии это новое западно-грузинское могущественное государственное образование стало называться Абхазским царством» («История Грузии», 152). В составе населения не произошло больших изменений, подавляющее число жителей Зап. Грузии попрежнему состояло из картов, мегрелов, сванов и абхазов.

Грузинской церкви епископальная кафедра «Абхазского царства», т. е. Западной Грузии, находилась в собственно Абхазии (в Бичвинте). Официальная точка зрения на объем власти грузинского царя была отражена в обычной, канонизированной титулатуре грузинских царей, как она сложилась к XII веку: «Божьей волей царь абхазов, картов, ранцев, кахов и сомехов, ширван-шах, шахан-шах, самодержавный обладатель всего Востока и Запада» («История Грузии», стр. 231). Таким образом, царь объединенной Грузии назывался преимущественно «царем абхазов», — яркое выражение той роли, которую сыграли абхазские цари в деле политического объединения Грузии.

Неоспоримым образом установлено, что уже в Абхазском царстве, во всяком случае с середины IX в., грузинский язык является единственным языком письменности, государственного и частного делопроизводства, церковного обихода и богослужения. Эту роль свою грузинский язык и культура в Абхазии не теряли и в последующий период феодального раздробления Грузии и выделения Абхазского княжества.

С начала X в. некоторые прогрессивные абхазские цари, отличавшиеся широким кругозором и многогранной кипучей деятельностью, становятся активными инициаторами борьбы за усиление могущества объединенной грузинской державы, сплочения сил всего народа вокруг централизованного управления, укрепления христианства на территории всей Грузии и т. д,

От этой эпохи до нас дошли замечательные памятники христианской архитектуры. Так, напр., в X в. абхазский царь Георгий перестроил такой памятник материальной культуры, как прекрасный Мартвильский собор, его сын царь Леон

воздвиг великолепный Моквинский собор, а объединитель Восточной и Западной Грузии Баграт III построил Кутаисский и Бедийский храм, где он и похоронен.

«Бичвинта, — читаем мы в одном грузинском источнике, — значит место сосновое... В VIII в. тут были св. Або тифлисский и эристави Грузии Нерсес, которые всю Абхазию нашли просиявшею христианским учением».

Образцом строительства мостов в XII в. является замечательный по своей конструкции Беслетский мост с грузинской надписью заглавными буквами.

Таким образом, невозможно исключить органическое участие Абхазии в создании древней, «античной» и классической феодальной культуры средневековой Грузии, включающей мировые шедевры всех видов творчества, точно так же, как невозможно это сделать по отношению к другим виднейшим областям Грузии. Абхазия является органической частью Грузии в полном смысле всего многообразия культурно-исторической жизни.

Это историко-культурное единство Абхазии со всей остальной Грузией, которое было таким органическим и интенсивным в продолжение не одного десятка веков, благодаря превратностям исторических судеб, в известное время, к сожалению, начало ослабевать. Этому процессу особенно усиленно способствовали кровавые инсинуации варварских турецких захватчиков — наших смертельных врагов, не брезгавших никакими средствами для осуществления своих ненасытных агрессивных вожделений. В продолжение не одного века Турция старалась огнем и мечом сломить силу сопротивляемости свободолюбивого грузинского народа, ассимилировать, подавить его неукротимую волю к свободе и национальной независимости.

Многих завоевателей знала Грузия — римлян, персов, арабов, монголов и др. Турки по праву заслужили звание наихудших из всех кровожадных врагов. Смерть, разрушение, одичание; ликвидация бившей ключом городской жизни; исчезновение интенсивных с. х. культур; обнищание населения, зверское гонение на святая святых грузинского народа — его язык, законы, традиции, веру отцов; притеснение христианства; разрушение монументальных памятников грузин-

ской самобытной архитектуры, имеющих мировое значение; насаждение огнем и мечом ислама и отуречение; лишение страны благосостояния и превращение ее в дикое логово для отвратительной торговли рабами; политическое разъединение всякими способами и противопоставление одних частей Грузии другим; стремление разжигать ненависть среди отдельных частей грузинского народа не только к русским, но и друг к другу, — таковы были цели «государственной деятельности» Турции в подчиненных ей краях Грузии. Это и неудивительно, ибо ни на что другое прогрессивное или положительное неспособна была «одряхлевшая, насквозь прогнившая Высокая Порта», находившаяся «на самой низкой и варварской стадии феодализма» (К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., т. IX, стр. 374).

В своей замечательной работе «Национальный вопрос и ленинизм» товарищ Сталин указывает на особо зверские методы ассимиляции в Турции. «Турецкие ассимиляторы, — отмечает товарищ Сталин, — наиболее жестокие из всех ассимиляторов, — сотни лет терзали и калечили балканские нации..., персидские и турецкие ассимиляторы сотни лет кромсали, терзали и истребляли армянскую и грузинскую нации» (Сталин, соч., т. 11, стр. 347-8).

4304

Для претворения в жизнь своих кровавых замыслов бессовестные турецкие правители в качестве опорного пункта наметили среди других Сухуми и вообще Абхазию. С этой стороны предпринимались многократные попытки довести до конца турецкие планы полного порабощения всей Грузии. Продажные сухумские паши, наряду с ахалцихскими или батумскими, были заядлыми носителями черного знамени турецкой агрессии и влияния.

Таким именно ставленником Турции, ярым и активным проводником ее интересов был, например, верный слуга султана, изменник родины Келеш-бей — владетельный князь Абхазии конца 18 и начала 19 века. Келеш-бей содействовал политическому ослаблению Грузии, его деятельность, как, впрочем, некоторых владетелей и других княжеств Грузии, полностью отвечала и служила целям политики и остальных врагов Грузии. Какой же он «патриот», «противник» турецкой агрессии, непокорный «герой», когда этот правитель в продолжение не одного десятка лет сознатель-

но всеми силами содействовал турецким притязаниям, направленным к полному отрыву Абхазии от Грузии, к превращению ее территории, в особенности г. Сухуми, в надежный опорный пункт, откуда Порта подкапывалась и к остальной Грузии; когда этот реакционный жестокий феодал, с пеною у рта отстаивавший себе позорное право работорговли, занимался в широких масштабах продажей в турецкое рабство своих подданных и соплеменников; не жалел сил и средств лишь бы числиться ему турецким беком; когда своим покорным подчинением султанской политике, в том числе принятием и дальнейшим распространением ислама, содействовал наибольшему злу для Грузии, — мешал общему делу объединения всей страны.

Можно ли сомневаться, что с точки зрения истории Грузии героями не могли быть мерзкие изменники и предатели типа Келеш-бея, деятельность которых была направлена к ослаблению, раздроблению и полному порабощению нашего народа по частям и в целом, нашей прекрасной любимой родины Грузии.

Но несмотря на все эти коварные происки врагов, неоднократный страшный натиск кочевых орд и других хищников, которым грузины всегда сопротивлялись с невиданным ожесточением, несмотря на невозместимые потери, грузинский народ всегда бережно хранил и развивал дальше драгоценное сознание своего единства. Так, «византийский писатель XI в. Иоанн Цецес утверждает, что иберы, абазги и аланы составляют один народ, а армянский летописец XV в. Фома Мецонский разъясняет своим читателям, что в «Грузинский дом», т. е. в грузинское национально-культурное объединение, входят восемь племен — карты (враци), имерелы, мегрелы, сваны, абхазы, месхи, двалы и осетины...» Грузинский историк XVII в. Горгиджанидзе, рассказывая об ирано-турецком договоре 1555 года, говорит: «Султан и шах поделили между собой Грузию — Самцхе, Картли и Кахети были признаны за шахом, а Имерети, Одиши (Мегрелия), Гурия, Абхазия и земля лазов — за султаном» («История Грузии», стр. 7).

Трудно даже себе представить, что еще явили бы миру потенции грузинского народа, если бы не выпало на его до-

лю столько опустошительных войн против стольких врагов, поглотивших, как прожорливый Молох, неимоверное количество национальных сил.

Так в течение всего 17 и 18 веков творческую энергию грузинского народа почти всю целиком поглотила борьба на жизнь или смерть против грозившей физическим уничтожением опасности со стороны шахского Ирана и султанской Турции.

От этой опасности спасло народы Кавказа присоединение к России.

Великая Октябрьская социалистическая революция, совершенная русским пролетариатом в союзе с крестьянством под руководством партии Ленина — Сталина, навсегда избавила все малые и большие народы Советского Союза от многообразной вековой исторической несправедливости, от любых форм эксплоатации и угнетения. Ленинско — Сталинская национальная политика не только предоставила им в конституционном порядке равноправие и полноправие, но также и реальные условия для всестороннего развития и процветания в области своей социалистической экономики, своей государственности и культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию.

Проявлением этой политики является принятая к руководству советской научной общественностью установка по широкому развертыванию работ для подлинно научного, марксистско-ленинского изучения истории всех народов СССР, прежде всего истории трудовых масс — настоящих двигателей исторического процесса, в отличие от узко-классовой, шовинистическо-тенденциозной дореволюционной историографии, занимавшейся почти исключительно разработкой истории т. н. «высших» сословий или княжения и царствования отдельных личностей, и то преимущественно одной Великороссии, пренебрежительно относившейся к т. н. «туземным» нациям, которых исключали из числа народов с собственной историей.

Но кому много дано, с того много и спросится. К советским историкам, вооруженным самой передовой теорией о законах общественного развития, предъявляются, само собою понятно, высокие требования. Среди этих требований

ни на минуту не должны мы забывать мудрое указание нашего великого вождя **И. В. Сталина** о том, что историю нельзя ни улучшать, ни ухудшать, что надо стремиться к глубокому и всестороннему марксистско-ленинскому изучению исторических фактов и событий в их органической взаимозависимости, с учетом конкретного своеобразия и особенностей отдельных стран и народов.

Редактор П. К. Ратиани.

Корректор Г. Глонти. Техредактор М. Пищик.

ЭИ01705. Подписано к печати 31/VII 1951 г. Объем 1¼ печ. форм.
Заказ № 2756. Тираж 4150.

Типография Грузполиграфиздата, г. Сухуми.

1000 р.

Цена 1 руб.